

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

С.А. Королёв

ВЛАСТЬ: ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ И КАРТИНА МИРА

Аннотация. В статье рассматривается власть как специфический субъект исторического действия, её взаимоотношения с государством и гражданским обществом, присущие ей алгоритмы восприятия реальности и воздействия на неё. Особое внимание уделяется анализу свойственного власти типа рациональности и сформированной ею картины мира. Значительное место занимает характеристика двух типов власти – креативной и реактивной. Особое внимание автор уделяет функционированию реактивной власти, способам её самосохранения, механизмам обеспечения контроля над социумом, а также перспективам развития самого общества в подобных условиях. Автор дифференцирует понятия «государство» и «власть», что даёт ему возможность идентифицировать ряд типологических конфликтов между государством как совокупностью институтов и властью, политическим режимом. Новизна методологического подхода, реализованного в работе, даёт возможность аннигилировать целый слой властной мифологии, предполагающей, в частности, идентификацию власти с государством, и выявить целый ряд конфликтов, вне понимания которых невозможно ни установление контроля гражданского общества над властью, ни полноценное функционирование государственных институтов.

Ключевые слова: реальность, реактивность, креативность, картина мира, целеполагание, рациональность, общество, государство, власть, национальная идея.

Abstract. This article examines government as a specific constituent of the historical action, its interrelation with the nation and civil society, as well as characteristic to it algorithms of perception of reality and the effect upon it. A special attention is given to the analysis of the common to government type of rationality and formed by it worldview. An important place belongs to the characteristic of the two types of governments – creative and reactive. A special attention is given to the functioning of the reactive government, ways of its self-preservation, mechanisms of providing control over the society, as well as the prospects of the development of society itself under the similar circumstances. The author differentiates the notions of “state” and “government”, which allows him to identify a number of typological conflicts between the state (as a combination of institutions) and the government (as a political regime). Scientific novelty of the methodological approach consists in the ability to annihilate the whole layer of government mythology, which particularly suggests to identify the government and the state, and detect an entire chain of conflicts, without understanding of which it is impossible to establish control of the civil society over the government, as well as full functionality of the government institutions.

Key words: government, state, society, rationality, goal-setting, reactivity, worldview, creativity, reality, national idea.

Рациональность власти – специфическая и далеко не всегда предполагает осмысление реальности и выработку алгоритмов действия, обеспечивающие оптимальное развитие государства и общества. Но это совершенно не означает, что модус функционирования власти мы можем характеризовать как иррациональный, необъяснимый, безумный и т. д. Иначе говоря, лишённый рациональности и логики. Как говаривал шекспировский Полоний, «если это безумие, то в нём есть система».

1. Власть и государство

Но прежде чем говорить о власти, её отношении к реальности и её специфической рациональности, необходимо определиться с пониманием

того, что есть власть, и дифференцировать понятия «власть» и «государство». Едва ли сколько-либо серьёзный специалист будет настаивать на том, что власть и государство – это синонимы. Тем не менее в рамках тех или иных, особенно не специализированных, а, скажем так, общегуманитарных дискурсов, «власть» и «государство» существуют и сосуществуют как понятия если не идентичные, то синонимические. И эта синонимичность есть не что иное, как принятие пишущими и анализирующими индивидами языка и мифологии власти, сознательное или неосознанное, инерционное.

Между тем (отвлекаясь от ряда неважных для нас в данном случае нюансов), государство – это определённая система институтов: монархия, ар-

мия, институт парламентаризма, институт президентства, суда, это такие институты, как армия, милиция, службы безопасности, институционально структурированная система управления (министерства и т. д.).

Власть (отвлекаясь опять-таки от нюансов и абстрагируясь от не вполне традиционных для наших социально-гуманитарных наук трактовок, скажем, от традиции Мишеля Фуко) – это некое политическое и неполитическое наполнение институциональной структуры, определяющее при этом вектор её действия, это политический режим, это некий субъект исторического / политического действия, способный либо укреплять государственную структуру, либо, в угоду каким-то властным / политическим интересам, деформировать и разрушать её. В конечном счёте, власть – это совокупность технологий власти.

М. Вебер писал, что государство – это исторический субъект, имеющий монополию на легитимное насилие [1, с. 645]. В общем виде это, конечно, так. Однако в контексте наших штудий мы должны констатировать, что в огромном количестве случаев юридически субъектом насилия является государство, а де-факто – власть, действующая от имени государства и реализующая практики насилия посредством разработанной системы властных технологий, иногда через, а иногда поверх системы государственных институтов.

Мы уже обращали внимание на то, что поскольку после распада СССР мир стал тотально «капиталистическим», то базовой шкалой координат, позволяющей классифицировать и дифференцировать, стала шкала «тоталитаризм – демократия», подразумевающая множество переходных моделей [2, с. 109]. Иными словами, уже не «социально-экономический строй», а система власти и параметры государственности становятся определяющей характеристикой макросоциума.

Любая власть стремится отождествить себя с государством, а свои интересы с интересами государства. Это вполне понятно, поскольку легитимирует власть и позволяет ей преподнести оставление собственных амбиций как реализацию и защиту интересов общественных и государственных. Между тем эти интересы – мы говорим об интересе власти и интересах государства – весьма различны, часто разнонаправлены, а порой и диаметрально противоположны.

Примеров, когда власть, в пароксизме борьбы за выживание, функционировала самым разрушительным для государства образом, в истории России множество. Напомним лишь некоторые, самые характерные, если хотите, знаковые.

Первый – система власти в Киевской Руси, предполагавшая наследование не от отца к сыну, а от старшего брата к следующему по старшинству, так что князья беспрерывно кочевали по городам и весям, с менее престижного «стола» на более доходный и престижный, проявляя изрядное безразличие к судьбе временно управляемых ими протогосударств и готовность в надлежащий момент их покинуть.

Второй – введение Иваном Грозным опричнины, которая, разделив государство надвое (на «земщину» и «опричнину»), явила собой абсолютного антигосударственный проект.

Третий – 1917 г., когда ради прихода к власти большевики практически уничтожили государство. В условиях прочной государственности и дееспособности государственных институтов захват власти радикалами едва ли был бы возможен. Развал государства, всех его базовых институтов был условием, Брестский мир, повлекший потерю огромной части территории государства, гражданская война и десятилетия невиданных страданий народа – следствием реализации неумеренных амбиций большевистской власти.

Четвёртый – действия российского руководства в 1990–1991 гг., если не ставшие непосредственной причиной распада СССР (который, по нашему глубокому убеждению, в историческом смысле был обречён, как и любая империя), то, несомненно, форсировавшие этот процесс и приведшие к расформированию Советского Союза в далеко не самой благоприятной для России как для государства «редакции». Подчеркнём, что, с нашей точки зрения, речь должна идти не только о событиях после августовского путча 1991 г., когда процесс распада СССР получил ускорение именно вследствие действий путчистов и был уже неостановим, и не о Беловежской пуще, когда «три человека развалили Союз», а о самоутверждении новой российской власти до августа 1991 г., достигавшемся ценой разрушения не только и не столько тех советских институтов, которые были архаичны и антидемократичны, сколько тотального разрушения СССР как государственной структуры. В этом смысле, в смысле модели, матрицы – создание властью, политическим режимом государства внутри государства – здесь есть определённое сходство с раздвоением русского государства в период опричнины, несмотря на всю условность и произвольность такой аналогии.

Правда, здесь следует чётко расставить акценты: мы не можем однозначно определить распад СССР как зло или катастрофу, ориентируясь только лишь на конкретные исторические последствия

этого акта для самого СССР и современной России. Предположим, что Россия (вернее, значительная часть российской политической элиты) в определённый момент пришла к выводу, что это была «геополитическая катастрофа». Но воспринимают ли распад СССР как катастрофу Украина, Беларусь, закавказские государства, страны Балтии? И был ли распад СССР *для них* геополитической катастрофой? Между тем, оценка прогрессивности или регрессивности любого исторического вектора определяется отнюдь не степенью его совпадения с реальными или определённым образом (не важно, адекватно или нет) понимаемыми интересами одного государства.

И, наконец, пятый фундаментальный, знаковый эпизод подавления властью государства – создание и функционирование механизма «властной вертикали», режима «суверенной демократии» в «нулевые» годы XXI столетия и в первой половине 2010-х, по сути – авторитарного режима, закамуфлированного выхолащиваемыми, частично демонтированными, частично ставшими имитацией институтами современной представительной демократии.

На последнем примере хочется остановиться несколько подробнее. Обратимся к метафоре, которую мы уже использовали для характеристики современной российской ситуации. Уподобим современное государство, точнее, российское государство второй половины XX – начала XXI вв., обыкновенному стулу. У него четыре ножки, на которые он опирается, и благодаря наличию четырёх точек опоры обретает устойчивость. Эти четыре ножки суть: исполнительная власть, власть законодательная, судебная система и независимые СМИ. Что сделал режим «суверенной» или, если хотите (вспомним политическую модель Сукарно), управляемой демократии с этим стулом? Он отпилил три из четырёх ножек: законодательная власть стала фикцией, придатком власти исполнительной, послушным инструментом в её руках; независимый суд перестал существовать, и то продвижение в направлении превращения России в правовое государство, которое наметилось в 90-е гг., было нивелировано и обращено вспять; наконец, СМИ поставлены под контроль властных структур, прежде всего, конечно, телевидение. Но и пресса, в особенности, региональная, существует под жёстким контролем и испытывает сильное давление местной власти, мелких региональных «режимов», которые вписались в установленные московской властью правила игры и в их рамках могут позволить себе роль строителей «вертикали» на местах.

При этом радикальные изменения произошли, на наш взгляд, и с институтом президентства: в условиях слипания «ветвей власти», утраты ими своих конституционных прерогатив и превращения их в придаток исполнительной власти президент перестаёт де-факто исполнять функции главы государства. Ибо одна из основных функций главы государства – балансирование и уравнивание различных ветвей власти и обеспечение того, чтобы власть служила интересам государства и общества. В ситуации бессилия и девальвации институтов, стоящих за пределами исполнительной власти, превращения их в имитационные модели, даже в симулякры, институт президентства также деформируется, и президент де-факто начинает функционировать как глава исполнительной вертикали.

Но для того, чтобы стул мог использоваться по назначению, ему необходима более чем одна точка опоры. Поэтому, чтобы наш государственный стул не упал, на него должен взгромоздиться некий политический субъект или некая имитация коллективного политического субъекта, некое персонафицированное воплощение режима. С сидящим на стуле субъектом устройство для сидения обретает три точки опоры – ножка плюс две «ноги». Эти новообретённые «ноги» суть пропаганда и силовые структуры, эксплуатирующие столь обычные при авторитаризме ложь и страх. Проблема, однако, в том, что как только сидящий субъект встанет, конструкция с грохотом рухнет... [3, с. 104–105].

Заметим, что когда мы в данном контексте говорим о пропагандистской машине и силовых структурах, мы рассматриваем их не как некие имманентные институты. Мы характеризуем скорее определённым образом функционирующие субъекты политического поля, опирающиеся на некий набор технологий власти. Институт сам по себе достаточно нейтрален – определяющим является то, на какой набор властных технологий он опирается или какой набор технологий через него реализуется. Так, силовые структуры могут стоять на страже демократических ценностей и защищать граждан государства, а могут апробировать такие методы и средства, которые заставят аналитиков говорить о создании полицейского государства или даже системы массового террора.

Приходится констатировать, что расхожее, стереотипное, стихийно возникшее определение «властная вертикаль» – это, по сути, предельно точное описание того политико-управленческого механизма, который выстраивался в России начиная с 2000 г. *Это именно не государственная, а властная вертикаль*, причём властная

вертикаль такого рода, которая выстраивается за счёт девальвации **государственных** институтов. Власть, распухая, разбухая, отнимает у государства то, что является несущими опорами государственного механизма.

Исследователю имеет смысл дифференцировать власть и государство при анализе едва ли не каждой конкретной ситуации или проблемы. Скажем, в начале 2000-х президентская власть осуществила централизацию, корни и некое историческое оправдание которой – в генетике российского пространства власти. В этом смысле создание семи федеральных округов, замыкающихся непосредственно на Москву, и связанная с этим эрозия прав субъектов федерации с неизбежной девальвацией их значения – если не оправданы, то объяснимы. Но *само по себе* создание федеральных округов отражает лишь *интерес власти*, но не потребности государства и тем более общества. И совсем не случайно, что федеральные округа до сих пор не легитимированы в российской Конституции, в Основном законе *государства*.

Современные российские выборы – то же самое. Циничное отстранение оппозиционных партий и кандидатов и реализация написанных в высших эшелонах власти сценариев привели к дискредитации судебной системы (что никак не в интересах государства) – и, что не менее важно, института выборов как одного из основополагающих государственных институтов. Ибо выборы перестали быть как свободными, так и демократическими.

Но это отдельные лакуны, оставленные российской властью на теле государственного организма. Если же говорить о «генеральной линии», то выстраивание всей политической жизни таким образом, чтобы обеспечить беспрепятственное существование и воспроизводство созданного в последние полтора десятилетия режима, стремление сохранить социальную и политическую архаику в ситуации, когда этот режим, очевидно, превращается в ту самую киплинговскую змею, которая уже пережила свой яд, едва ли может рассматриваться в качестве заботы о благополучии и процветании *Государства Российского*. Это в первую, во вторую и в третью очередь способ и инструмент самовоспроизводства власти и лишь в десятую и одиннадцатую – вопрос государственный.

Не будем забывать, что отождествление власти и государства – одна из примет если не тоталитарного, то, во всяком случае, авторитарного общества. Можно ли воспринимать власть как *alter ego* государства, а того, кто стоит на вершине властной пирамиды, как персонификацию государственного

начала, – и не скатываться при этом в социальную и политическую архаику? Вопрос риторический.

Власть, заботясь о самосохранении и самовоспроизводстве, готова инвестировать в те сегменты государственного механизма, которые необходимы ей для обеспечения процесса выживания: в армию, спецслужбы, внутренние войска, машину пропаганды и называть это государственным подходом. И та же власть ради собственного выживания готова точно, сегментарно, но крайне последователь присваивать прерогативы государственных институтов.

Всё это, конечно, отнюдь не ново. Так было всегда и повсюду, и только сильное гражданское общество способно минимизировать негативные последствия властной экспансии, ограничить её пределы и сделать государство действительно надстройкой над обществом и, если хотите, его наёмным агентом. Но сильное у нас гражданское общество или нет, способно оно противостоять власти или это перспектива весьма отдалённого будущего, оно, это общество, должно отчётливо представлять себе, где приоткрывается собственная физиономия власти и где власть демонстрирует обществу личину, полуприкрытую маской государственности. И по мере сил и возможностей противостоять властной мифологии.

Итак, власть имеет собственную логику действий и собственные интересы, отличные от интересов государства и общества и зачастую вступающие в конфликт с интересами последних. И главным из этих интересов является самосохранение и самовоспроизводство. Попытки понять власть, спроецировав на неё нашу собственную логику и наделив её нашим собственным типом рациональности, не дают нам возможности адекватно интерпретировать те или иные её эманации. Равным образом, бессмысленно приписывать власти логику действия «цивилизованного общества» или логику общего интереса.

Например, рассуждения на тему, выгодно ли власти то или иное событие или коллизия, бессмысленны, если должным образом не реконструируется ментальность и мотивация власти и главных её фигурантов. Было ли то иное событие выгодно власти? А если оно не было ей выгодно, то, значит, власть не могла иметь к нему отношения, рассуждают некоторые аналитики. Между тем, выгода не всегда является главным движущим мотивом власти. Далее, одно и то же событие, действие, акция нередко имеют весьма разнонаправленные векторы и противоречивые последствия. То есть «выгода» – неоднозначна. И одна и та же акция дискредитирует власть – и в то же время даёт

определённые, часто весьма специфические, бонусы, например, наводит страх на общество, деморализует, запугивает его.

Рациональность власти, особенно, утилитарной, реактивной, неидеологической, формируется в значительной степени эмпирически. Власть и отдельные фигуранты, встроенные в эту власть, несут на себе тяжёлый отпечаток опыта, вне анализа которого трудно понять их мотивацию, смысл и причины тех или иных акций и демаршей, возможно, достаточно далеко отстоящих по времени от формирующих властную рациональность событий. Например, высказывалось вполне резонное мнение, что отношение нынешнего президента России к выборам окончательно определилось после того, как он в качестве руководителя предвыборного штаба Анатолия Собчака проиграл губернаторские выборы 1996 г. весьма заурядному заму своего шефа Владимиру Яковлеву. Возможно, именно отсюда было вынесено убеждение, что судьбу власти нельзя отдавать на волю случайностей, к каковым, в представлении многих фигурантов власти, относится и непостоянное, изменчивое мнение народа.

Конечно, существует определённый соблазн квалифицировать некие действия, акции и технологические процедуры власти как «абсурд». Сегодня, например, многие наблюдатели говорят, что те или иные явно сфабрикованные властью уголовные дела против политических противников или экономических конкурентов близких к власти бизнесменов с невероятными, малоправдоподобными или даже не претендующими на правдоподобие обвинениями – это абсурд. Между тем, подобные акции – это совсем не абсурд или, во всяком случае, не только абсурд. Это демонстративное (или, если хотите, демонстрационное) поправление здравого смысла, сложившихся норм и правил (как юридических, так и здравого смысла), ставящее целью деморализацию общества, и прежде всего аннигиляцию потенциального сопротивления. В нашей, российской, жизни не так много абсурда и не так много симулякров, как порой кажется. Зато есть множество самых разных способов, форм и инструментов, не всегда очевидных, при помощи которых власть настойчиво и последовательно реализует свои интересы.

2. Реактивная и креативная власть

В философии существуют понятия реактивной и креативной власти. Креативная власть ориентирована на создание некоей желаемой реальности, на осуществление определённой стратегии (хотя эта создаваемая реальность и эта стратегия не всегда могут быть оценены позитивно), на конструи-

рование некоей общественной модели. Реактивная власть ориентирована на коррекцию сущего в соответствии с возникающими угрозами, вызовами и проблемами и по мере их возникновения.

Нынешняя российская власть, конечно, должна быть определена как *реактивная*. Такого рода властные системы реагируют на возникающие вызовы и решают сиюминутные, выплывающие на поверхность срочные проблемы, не решая которые оказывается уже невозможно. При этом они не в состоянии выработать какую-либо внятную стратегию развития общества, и не только потому, что им не хватает интеллектуального ресурса, сколько по причине того, что *определённость* и *ответственность* перед обществом, связанные с постулированием чёткого стратегического курса и формулированием фундаментальных задач и целей, противоречат самой природе реактивной власти и представляются ей очевидной угрозой самим основам её существования.

Когда террористы взрывают дома, реактивная власть начинает судорожно опечатывать подвалы и разрабатывать планы усиления работы участков милиционеров; когда совершается террористический акт в метро, власть забывает про подвалы и начинает усиленно охранять подземку, «принимать меры»; когда совершаются теракты в самолёте, власть начинает охранять аэропорты и раздевать людей до нижнего белья; когда террористы захватывают больницы и берут в заложники больных и рожениц, власть начинает охранять больницы; когда террористы захватывают школы, власть начинает разрабатывать системы охраны школ, забывая о существовании больниц. Когда сгорает ночной клуб с десятками людей, начинают проверять противопожарное состояние ночных клубов. После аварии в метро начинается тотальная проверка состояния путей и стрелок. Сталкивается вертолёт с гидропланом – власть предлагает усилить контроль над полётами вертолётов и гидропланов...

«Принятие мер» в парадигме существования реактивной власти вырождается в сугубо имитационный, бюрократический акт, необходимый для отчёта нижестоящих начальников перед вышестоящими, тех – перед ещё более вышестоящими, а этих последних – перед главой властной вертикали.

Это именно *тип власти*, поскольку модус действия здесь не зависит от политико-идеологического «наполнения» того или иного режима. Так действовала советская, коммунистическая власть при Брежнев, в «период застоя», так действует и нынешняя постсоветская власть.

Реактивная власть не выдвигает обязывающих целей, не чувствует склонности к поиску Большой Идеи и, как уже было сказано, избегает ответственности. В возможности избежать ответственности за нереализованные проекты и невыполненные обещания и заключается, собственно, прелесть «реактивности». Не отдавая себе отчёта в том, что нынешняя власть – реактивна, нельзя понять мотивации и логики её действий, а, следовательно, и предвидеть возможные трансформации режима.

Но именно очевидная реактивность нынешней власти, избегающей формулировать обязывающие идеи, ставить масштабные задачи и в своих действиях руководствующейся прежде всего интересами самосохранения, парадоксальным образом позволяет ей сохранять значительную политическую и электоральную поддержку. Конечно, с точки зрения благополучия и процветания страны реактивность власти – это минус. Но это же в известной степени плюс для самой власти, источник её устойчивости, поскольку власть имеет дело с «реактивным» народом. «Наш народ привык на любые изменения экономических реальностей откликаться в привычных формах политической *реактивности*, – отмечает В.А. Подорога. – Проще говоря, предъявлять определённые требования не к себе, а к государству. Это очень важный момент, так как экономическая *креативность* включает в себя политическую реактивность, но политическая *реактивность* никогда не составляет экономики жизни» [4, с. 146]. Иными словами, власть взаимодействует с народом, в значительной своей части никакой великой идеи не взыскующим, на предъявлении властью стратегии или программы не настаивающим (поскольку ни в стратегии, ни в программы народ не верит); народ сконцентрирован на текущих проблемах и при этом часто сам существует весьма «реактивно», по известному русскому принципу «гром не грянет, мужик не перекрестится».

Иначе говоря, реактивная власть в реактивной стране – это серьёзное основание для пессимизма в отношении будущего России.

Отсюда и отношение нынешней власти к проблеме поиска «национальной идеи». Насколько можно судить, она не прочь была бы использовать некий идеологический инструментарий, который расширил бы имеющиеся у него возможности мобилизации населения. Иными словами, использовать «национальную идею» не как род идеологии, а как технологию, технологический инструмент. И в то же время она – и весьма обоснованно – опасается, что выдвигание любой суперидеи расколет массовую базу поддержки режима и спровоцирует

серьёзные социальные конфликты, дополнив их конфликтами идеологическими.

Как заметил в своё время В.А. Подорога, «текст власти должен быть абсолютно безответствен» [5, с. 81]. «Национальная идея» – это тоже своего рода текст, и он должен быть сформулирован таким образом, чтобы предельно сузить зону ответственности власти перед обществом. Но чем больше степень безответственности, вялости и аморфности «национальной идеи», чем меньше в ней смелости и амбициозности, тем меньше смысла в опоре на «национальную идею» как таковую. Это в полной мере относится, например, к вялой, предельно технократической формулировке национальной идеи, предложенной в начале «нулевых», – удвоению ВВП в течение 10 лет. В своё время мы подробно рассматривали эту и ряд других проскользивших по поверхности политической жизни и канувших в Лету «национальных идей» [6, с. 79–193]. Власть испытывает дискомфорт перед любыми внятно сформулированными обязательствами, равно как и перед идеологическими конфликтами, могущими оказать непредсказуемое воздействие на электорат и снизить её поддержку. И ради того, чтобы избежать этого, готова обойтись без всякой внятной идеологии. Опираясь при этом не на целеполагание, стремясь не к реализации некоего конкретного, обязывающего проекта, а ограничиваясь декларацией неких базовых принципов, апеллируя к «духовным скрепам».

Нынешняя российская власть конструировала существующую модель общества и государства, обладая неким весьма общим представлением о должном (а должное и несущее для неё выгоду – это для власти понятия тождественные). Но это должное зачастую не навязывается прямолинейно, доктринерски, а, вполне в духе реактивной власти, имплантируется в ментальность социума через множество социальных и политических тестов, вбрасывание, зондаж, прощупывание общества. Обозначая векторы движения, фиксируя реальность, реагируя на ответные реакции социума, отказываясь от одного, того, на что ответ общества был сугубо негативным, заменяя его другим, отчасти приемлемым и не вызывающим массового отторжения, но так или иначе двигаясь в избранном направлении. Базовые параметры этого должного, этого рождённого в недрах власти идеала: несменяемость власти, госкапитализм с явственным монополистическим оттенком, превращение в декорацию всех базовых институтов государства (от парламента до суда), предельное ограничение и маргинализация всех противостоящих власти политических сил.

Это представление о должном, этот, если хотите, идеал – не идеологический, как в советское время, при КПСС, когда общество действительно в значительной степени строилось в соответствии с учением Маркса и Ленина или с интерпретациями этого учения. Сегодня идеал – чисто прагматический, утилитарный. Создать общество, в котором власть будет чувствовать себя комфортно, оставаясь несменяемой, а народу будут созданы сносные условия существования, во всяком случае, не провоцирующие его на бунты, волнения и массовые выступления. Некий общественный договор, как сейчас любят писать. Ибо едва ли российская власть в её нынешнем виде вообще способна к какому-либо стратегическому мышлению, не говоря уже об осуществлении какой-то долгосрочной программы.

3. Картина мира

Одна из проблем нынешней российской власти в том, что у неё слишком плоская, одномерная картина мира. В частности, одна из основополагающих составляющих ментальности власти – вера в то, что материальное сильнее и значимее для народа, чем идеальное, принципы, права и свободы. Соответственно, власть стремится понять вверенный ей народ прежде всего через желудок. Такой своего рода примитивный домарксовский материализм. В крайнем случае она принимает во внимание присущую населению инерцию, живучесть каких-то рудиментарных представлений, предрассудков и т. д.

Нельзя сказать, что это абсолютно нереалистическая или иррациональная позиция видения. Материальное («желудок») играло и играет весьма важную роль в определении позиции народа в отношении власти: проблемы с «материальным» нередко становились причиной и / или предпосылкой острых социально-политических коллизий и революций. Но в истории России есть масса примеров того, что существенными, а порой и определяющими становились и факторы иного порядка, социокультурные, социопсихологические, моральные, т. е. своего рода «идеалистические». Едва ли российскому крестьянину в конце XIX – начале XX вв. год от года становилось жить всё хуже и тяжелее. Но ментально, психологически обделенность в ходе крестьянской реформы 1861 г. осознавалась всё острее. И именно это обусловило размах крестьянского движения во время первой русской революции. Иными словами, здесь сыграло роль скорее сознание социальной несправедливости, чем пустой желудок.

Но в ситуации, когда власть утрачивает возможность обеспечить населению, «народу» при-

вычный ему материальный уровень существования, акценты парадоксальным образом меняются. Власть начинает уповать не на удовлетворенный желудок, а на «духовные скрепы». В последние годы родился мем: *борьба холодильника и телевизора*. Здесь *холодильник* – это материальное, а *телевизор* – инструмент формирования определённого рода идеального, если хотите, идеалистического. Действительно, в какой мере не столь быстрое, но весьма ощутимое оскудение содержимого холодильников в период кризиса может быть компенсировано посредством индоктринации? В какой мере пропаганда способна формировать сознание народа? И если она способна решить эту задачу, то как долго может поддерживаться на определённом уровне уже сформированное пропагандистскими инструментами (властными технологиями) сознание? Гадать здесь бессмысленно, остаётся только проследить за движением российской власти и общества в условиях нарастающего кризиса. В 1990-е, несмотря на всю поддержку СМИ, и в частности электронных, «телевизор» лишь до поры до времени давал возможность нивелировать негативное воздействие пустующего «холодильника». Дефолт 1998 г. означал, помимо всего прочего, полную капитуляцию «телевизора» перед несомненными и неотвратимыми реалиями жизни.

Констатировав эту неопределённость, которую может устранить лишь опыт, отметим всё же, что, по нашему глубокому убеждению, совершенно неверно, когда состояние общественного сознания отождествляется с поведением человеческих множеств и тем более с результатами опросов общественного мнения, то есть с тем, что люди сами говорят о себе и о своём мировосприятии. Ибо поведение далеко не всегда является адекватной эманацией сознания, тем более вербальная самооценка, предлагаемая вниманию социологов. Между максимумами сознания, ценностями, принципами, стремлениями и поведением индивида – социальной группы – «народа» стоит множество деформирующих и корректирующих факторов: различного рода страхи и опасения прежде всего.

Уязвимость властной ментальности, этого весьма специфического типа мышления, заключается также в том, что она ориентирована на оперирование системой приоритетов как универсальным инструментом упорядочивания реальности. Определяется, что важно, что менее важно, а чем вообще можно пренебречь, и все усилия подчиняются решению приоритетной задачи. Пусть и за счёт всего остального. Возникает своеобразная иерархия, этакая табель о рангах для социальных, экономических и культурных проблем.

На самом деле, «мышление приоритетами» – это крест нищего морально, примитивного интеллектуально и бедного материально общества. Или то, или это, или мы, или они. Чёрно-белый мир, чёрно-белое сознание. Если приоритетом оказывается развитие тяжёлой промышленности, как это было в период сталинской модернизации, то уничтожается деревня, великие стройки финансируются за счёт средств, выжимаемых, выдавливаемых, выбиваемых из села. Если власти кажется, что приоритетно развитие энергетики, строительство ГЭС, то создаются рукотворные моря – и заливаются, уходят под воду леса, луга, деревни и города. Все помнят эти страшные картины: верхушки церквей, торчащие над поверхностью очередного рукотворного моря. Знаменитая повесть Валентина Распутина «Прощание с Матёрой» стала приговором этому типу сознания и этому методу распоряжения национальными ресурсами. Если приоритетом признаются интересы некоей нефтяной компании, призванной облагодетельствовать город, то в одной из двух российских столиц начинает возводиться 400-метровое здание для её офиса. Ибо что такое панорама «града Петрова», одного из великолепнейших городов мира, по сравнению с живыми деньгами, идущими в городской бюджет?

Власть не в состоянии понять, что дело даже не в том, *что* именно должно быть приоритетом номер один, а что – приоритетом номер два, три и т. д. Власть предрешающие не сознают, что сам этот тип мышления – архаичен, несовременен, неприличен в XXI в. Что в начале XXI в. нельзя рассматривать социальное пространство как арену для игр с нулевой суммой. Что нельзя уничтожать, чтобы создавать. Что нужны новые алгоритмы решения проблем, новое понимание мира.

Не понимают они также того, что механическая экспансия, экстенсивное расширение не является в XXI в. достойным путём развития. Не важно, идёт ли речь о художественном музее (кейс ГМИИ им. А.С. Пушкина), городе (расширение Москвы до границы Калужской области) или стране в целом. Этот тип развития является калькой территориальной экспансии, которая была целью российских и не только российских властителей на протяжении веков. Века эти – далеко за спиной, опыт пространственной экспансии не востребован в XXI в. Но для власти экстенсивное, механическое расширение, расползание – по-прежнему магистральный путь.

У власти, имеющий какой-то проект, пусть даже и коммунистического толка, какую-то стратегию, приоритеты могут быть весьма различными. Но у реактивной власти, ставящей во главу

угла своё собственное выживание, приоритетными всегда будут два аспекта: усиление тех структур, которые являются её опорой и представляют собой физическую гарантию этого выживания (в лучшем случае), и предельное ограничение, а то и уничтожение тех сил, которые представляют угрозу этому выживанию, реальную или иллюзорную (в случае худшем).

Другое проявление ограниченности власти связано со стремлением упростить реальность там, где это возможно, а там, где это затруднительно или невозможно, по крайней мере, опереться на упрощённые представления о ней. Существующая реальность – многообразна, многогранна, и это многообразие не искусственно создано – оно представляет собой отражение, преломление судьбы страны, её истории, это квинтэссенция нашей исторической памяти. Многообразие реальности – это своего рода проекция многообразия отечественной культуры, её сложности, притом отражающее чудовищно трудную и во многом трагическую судьбу России, особенно в XX в.

И это многообразие, которое следует зафиксировать и сознательно поддерживать, предлагается урезать, нивелировать. Начиная с независимых, неподконтрольных, рождённых инициативой снизу элементов гражданского общества. Между тем, умная, просвещённая (не побоюсь этого слова) власть должна действовать ровно в противоположном направлении.

Увы, сегодня на всех уровнях существует некая общая, глобальная, проявляемая на макро- и на микроуровнях ментальность власти, стремление к упрощению и уплощению социальной реальности, примитивизации социальной ткани. Сознание власть предрешающих исходит из презумпции того, что просто устроенным социумом легче управлять. Простота и прозрачность социальной ткани кажется им условием эффективного управления, *ручного* управления. Они мыслят ситуациями, которые надо разрулить, а не социокультурными трендами, они не креативны, а реактивны. Это видно в политике, это видно в экономической сфере, это видно в образовании (ЕГЭ – это предельная унификация). И, конечно же, унифицируются, приводятся под общий знаменатель электронные СМИ, телевидение, то, что является опорой власти, то, на чем действительно держится властная вертикаль.

Иногда это упрощение принимает одиозные, почти курьёзные формы. Например, стремление власти сократить количество объектов управления привело к тому, что в течение восьми лет, с 2004 по 2012 гг., Россия, вероятно, единственная из значимых мировых государств, пребывала без

Министерства здравоохранения. Ибо оно в 2004 г. было объединено с Министерством труда и социального развития и только в 2012 г. восстановлено как отдельная структура.

Стремлением к упрощению системы управления можно объяснить и объединение Верховного и Высшего арбитражного суда, в результате чего арбитражный суд исчезает как самостоятельный субъект правового регулирования. В этом же ряду стоит и бездумное, бессмысленное объединение школ в Москве, с ликвидацией складывавшихся десятилетиями школ для одарённых детей. Мы здесь говорим только об актах, которые могут быть интерпретированы как знаковые.

С нашей точки зрения, это стремление к упрощению реальности также является проявлением ограниченности, непонимания того, что, по большому счёту, сложная система более устойчива, чем простая. Что у неё иные перспективы развития, чем у простой. Что будущее в XXI в. – не за простотой и единообразием, которые культивируются, чтобы привести реальность в соответствие с сознанием каких-то властных групп, фигур и персонажей. Что надо не реальность приводить в соответствие со своим сознанием, а менталитет власть предержащих проверить на соответствие реальностям, в которые вступил мир в XXI столетии.

Другое проявление этой ограниченности связано с чисто советскими стереотипами, которые пережили в сознании фигурантов, составляющих нынешнюю власть, все радикальные сломы эпох, прежде всего 1991-й и 1993 гг., и были ревитализированы в последнее десятилетие. Это ментальность «осаждённой крепости», умеренная, а в отдельных случаях и оголтелая ксенофобия, прежде всего, конечно, антиамериканизм. Это настолько очевидно, что нет даже необходимости развивать этот тезис.

При этом власть стремится реинтерпретировать наличную картину мира, корректируя систему понятий и терминов, в которых эта картина описывается. Речь идёт как о внедрении, нередко просто о «вбросе» новых понятий и мемов, так и о переформатировании понятий известных, наполнении их специфическим, угодным власти смыслом. «Российская власть всегда понимала патриотизм по-своему – как безоглядное верноподданничество» [7, с. 63], – замечает историк В.П. Булдаков и весьма убедительно подтверждает этот тезис на материале событий первой мировой войны и революций 1917 г. На наш взгляд, немало оснований для подтверждения этой максимы даёт также современная российская ситуация и модус действий нынешней российской власти.

При всех пропагандистских бонусах, при несомненном расширении за счёт этих терминологических игр технологического инструментария, используемого властью, картина мира власти, воспринятая ею матрица мироустройства деформируются, власть ещё дальше отодвигается от реальности – скажем так, от адекватно понимаемой реальности, и власть предержащие оказываются жертвой своих собственных терминологических манипуляций.

Нынешний глобальный кризис (экономический спад плюс последствия украинских событий) пока не поставил перед властью, перед нынешним политическим режимом проблему выживания во всём её масштабе. И, следовательно, не заставил переосмыслить своё отношение к государству и обществу. Хотя некоторые аналитики считают иначе, в частности, радикальные эксперты и политики. При всех возможных симпатиях к некоторым фигурам из «внесистемной оппозиции», к людям, способным к сопротивлению властному давлению, думается, едва ли стоит надеяться, что режим, выстроенный в последние полтора десятилетия, находится в агонии, в ближайшее время рухнет или будет сметён волной народного гнева. В этом авторы ультрарадикальных прогнозов, боюсь, столь же далеко отстоят от реальности, как и их оппоненты из власти. Так или иначе, дедлайн, момент, когда движение истории поставит под сомнение принципы существования и выживания нынешней власти и актуализирует ценность государственных и общественных институтов, рано или поздно наступит. Хотя, повторяем, прогнозы наиболее эмоциональных и оптимистических оппонентов действующей российской власти, согласно которым она уже не сегодня-завтра на цыпочках отправится куда-нибудь на Сардинию, а наиболее злостные её фигуранты окажутся на скамье подсудимых, представляются весьма экзотическими и даже чуточку курьёзными.

Существует ещё один аспект проблемы. Мы должны постоянно спрашивать себя – а что есть знание о реальности? И что есть понимание реальности? И является ли знанием то, что не предполагает понимания глубинных процессов и тенденций развития, а проявляется лишь как фиксация некоторых лежащих на поверхности параметров социальности? Типичная ситуация: тот или иной политический лидер проводит пресс-конференцию, встречу с журналистами, общается с народом – неважно, как это называется. Он уверенно и связно отвечает на вопросы (критерии выбора которых, впрочем, остаются неизвестными), на память приводит множество цифр. Он убеждает нас в том, что

адекватно представляет реальность, что держит руку на пульсе событий, что контролирует и регулирует. Но насколько он *на самом деле* понимает ту реальность, которую описывает, опираясь на статистику и фактуру? Понимание не сводится к набору цифр и фактов. Владение последними – лишь условие, предпосылка интеллектуального овладения реальностью. Куда важнее *понимание* реальности, способность выработать стратегию развития, адекватные и современные алгоритмы и методы анализа.

Человек есть то, что он ест, написал когда-то Людвиг Фейербах. Перефразируя эту знаменитую максиму, можно сказать, что власть есть то, что она творит. Если хотите, кого и как она «ест». Но в какой-то степени и то, о чём она мечтает, к чему стремится. Нынешняя российская власть весьма авторитарна. Авторитаризм – это некий тип отношения власти к реальности. Это тип отношения, в контексте которого социум рассматривается не как сообщество граждан, а скорее как совокупность подданных или, во всяком случае, объектов воздействия власти. Несомненно, авторитарной в своей основе практикой является фальсификация выборов и сопутствующее ей грубое административное давление на избирателей. Авторитаризмом и ревитализацией советизма является и практика удушения политической конкуренции ради закрепления монополии «партии власти». Проявлением авторитаризма является жёсткий контроль над электронными СМИ и запрет на появление на телевидении определённых фигур, позиционирующих себя как оппоненты режима. Откровенно авторитарной практикой является воздействие исполнительной власти на суды, которое более чем очевидно, во всяком случае, в тех делах и процессах, где власть имеет свои интересы. И, несомненно, эманацией авторитарного сознания является концентрация внимания общества на фигурах одного-двух политических лидеров, которые, если говорить о функционировании электорально и политически значимых электронных СМИ, полностью выведены из зоны критики.

* * *

Складывается впечатление, что чем последовательнее действует власть в рамках своей логики, наращивая мускулы, подавляя и выхолащивая государственные институты и создавая всё новые и новые гарантии своего выживания, тем дальше она отодвигается от реальности и тем больше сужает горизонты российского государства и общества. Увы, своекорыстие, ограниченность и ментальная архаика, разлившая по всем этажам российской

власти, весьма и весьма отягощают нашу общую перспективу.

События последних полутора–двух лет отчасти проясняют вопрос о рациональности власти и её специфике. Известные и весьма значимые изменения в миропорядке, отношениях России с миром, особенно с Европейским союзом и США, а также с ближайшими соседями, подтверждают почвенность некоторых наших размышлений. Реальностью стало изменение тренда глобализации, который, если говорить о России, очевидным образом приостановлен и, возможно, в определённых сегментах развития повернут вспять. Налицо не только серьёзные сдвиги, переопределяющие образ, облик и статус России в мире, но превращение геополитики в фактор внутренней мобилизации. Рейтинги свидетельствуют о едва ли не тотальной поддержке нового курса населением. И независимо от того, насколько эти рейтинги отражают действительные позиции населения, они стали самостоятельным фактором стратификации политического поля. Власть укрепилась и, кажется, забыла о политических коллизиях 2011–2012 гг. Но укрепились ли позиции российского государства, стал ли более радужным его завтрашний день, особенно в длительной, стратегической перспективе, – это очень большой и болезненный вопрос, нуждающийся в весьма серьёзном и непредвзятом осмыслении.

Однако исследователю, пытающемуся разглядеть длительную историческую перспективу и мыслящему не только реалиями сегодняшнего дня, не стоит предаваться унынию. М. Фуко как-то заметил, что рассмотрение механизмов власти не ставит своей целью показать, что власть и безымянна и всегда оказывается выигрыше [8, с. 245]. Французский философ связывал возможность ограничить и обуздать власть с фактором сопротивления: «На самом же деле отношения власти являются отношениями силы, противостояния, а, стало быть, они всегда обратимы. И нет отношений власти, которые восторжествовали бы целиком и полностью и господство которых было бы необратимым. Часто говорилось (и критики ставили мне это в укор), что я, располагая властью везде и всюду, исключаю всякую возможность сопротивления. Как раз наоборот! Я имею в виду, что властные отношения с необходимостью вызывают сопротивление, каждое мгновение взывают к нему, открывают для него возможности, и как раз потому, что существует возможность сопротивления и сопротивления реального, власть господствующих пытается удерживаться с тем большей силой, с тем большей хитростью, чем сильнее сопротивление. Так что я пытаюсь выявить здесь скорее вечную

и многообразную борьбу, нежели унылое и застывшее господство какого-то обезличивающего устройства» [8, с. 289–290]. Но сопротивление, исходящее из общества, – не единственный фактор, лишаящий власть ореола непобедимости. Ограниченность власти, самонадеянность власти, примитивизация её ментальности, о которой немало было сказано выше, предполагает наличие ещё одного аспекта деконструкции и переформатиро-

вания власти – это своего рода самопоедание, самоуничтожение власти, деградация самого властного тела, процесс, который часто идёт параллельно с дирижируемой властью деформацией и эрозией государственных и общественных институтов и, как это ни покажется парадоксальным, автономно от процесса сопротивления. Иными словами, у социума, у гражданского общества всегда есть надежда и всегда есть шанс.

Список литературы:

1. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 644–706.
2. Меняющаяся социальность: контуры будущего. Круглый стол журнала «Полис» и Института философии РАН // Полис. Политические исследования. 2011. № 1. С. 97–121.
3. Власть и реальность. Круглый стол // Вестник аналитики. 2010. № 2. С. 89–111.
4. Подорога В.А. Россия. XX век. Власть. (Беседу ведёт С.А. Королёв) // Дружба народов. 1994. № 3. С. 136–150.
5. Бессознательное власти. Беседа с В.А. Подорогой // Бюрократия и общество / Отв. ред. С.А. Королёв. М.: Философское общество СССР, 1991. С. 50–104.
6. Королёв С.А. «Национальная идея» как инструмент электорального воздействия: управляемая демократия в поисках идеологической опоры // Режим Путина: идеи и практика. М.: В. Секачев, 2005. С. 79–193.
7. Булдаков В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М.: Новый хронограф, 2010. 1096 с.
8. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. 384 с.

References (transliterated):

1. Veber M. Politika kak prizvanie i professiya // Veber M. Izbrannyye proizvedeniya. M.: Progress, 1990. S. 644–706.
2. Menyayushchayasya sotsial'nost': kontury budushchego. Kruglyi stol zhurnala «Polis» i Instituta filosofii RAN // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2011. № 1. S. 97–121.
3. Vlast' i real'nost'. Kruglyi stol // Vestnik analitiki. 2010. № 2. S. 89–111.
4. Podoroga V.A. Rossiya. XX vek. Vlast'. (Besedu vedet S.A. Korolev) // Druzhba narodov. 1994. № 3. S. 136–150.
5. Bessoznatel'noe vlasti. Beseda s V.A. Podorogoi // Byurokratiya i obshchestvo / Otv. red. S.A. Korolev. M.: Filosofskoe obshchestvo SSSR, 1991. S. 50–104.
6. Korolev S.A. «Natsional'naya ideya» kak instrument elektoral'nogo vozdeistviya: upravlyaemaya demokratiya v poiskakh ideologicheskoi opory // Rezhim Putina: idei i praktika. M.: V. Sekachev, 2005. S. 79–193.
7. Buldakov V.P. Khaos i etnos. Etnicheskie konflikty v Rossii, 1917–1918 gg. Usloviya vznikoveniya, khronika, kommentarii, analiz. M.: Novyi khronograf, 2010. 1096 s.
8. Fuko M. Intellektualy i vlast'. Izbrannyye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu. M.: Praksis, 2002. 384 s.